

Никитин Иван Саввич

**Повести в стихах и картины
народного быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Саввич Н.**
Повести в стихах и картины народного быта / Никитин Иван Саввич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 194 с.

ISBN 978-5-519-99655-6

ISBN 978-5-519-99655-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Думаетъ-гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ.

Горемыки-дѣтки!
Долго ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,—
Мудрено ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ!...

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ!
Дай имъ разумъ-силу,
Будь Ты имъ въ оплотъ!..

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть отколѣ,
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгулъ.

Изд. 1859 г.

III.

Не вини одинокую долю,
О судьбѣ по ночамъ не гадай,
Сберегай свою дѣвичью волю,
Словно кладъ золотой, сберегай:

Ужъ не долго тебѣ оставаться
Въ красномъ теремѣ съ няней родной,
На лѣса изъ окна любоваться,
Расцвѣтатъ ненаглядной зарей;

Слушать пѣсни подругъ свѣтлоокихъ
И по бархату золотомъ шить,
И безопасно въ стѣнахъ одинокихъ
Беззаботною пташкою жить.

Отопрется твой теремъ дуборый,
И простится съ тобою отецъ

И, гордясь подвѣнечной обновой,
Ты пойдешь съ женихомъ подъ вѣнецъ;

Да не радость—желанную долю
Ты найдешь на порогѣ чужомъ:
Грубый мужъ твою юную волю
Похоронитъ за крѣпкимъ замкомъ.

И ты будешь сносить терпѣливо,
Когда злая старуха-свекровь
Отвѣчать станетъ бранью ревнивой
На покорность твою и любовь;

Будешь глупой бояться золовки,
Пересуды сосѣдей терпѣть,
За работой сидѣть безъ умолку
И отъ тайнаго горя худѣть,

Слушать хмѣльнаго мужа укоры,
До разсвѣта его поджидать;
И забудешь ты пѣсню, уборы,
Станешь злую судьбу проклинять;

И, здоровье въ груди полумертвой
Отъ безплодной тоски погубя,
Преждевременной жалкою жертвой
Въ гробъ досчатый положишь себя.

И никто со слезой и молитвой,
На могилу къ тебѣ не придетъ,
И дорогу къ могилѣ забытой
Густымъ снѣгомъ метель занесетъ.

IV.

М щ е н і е.

Поднялась, шумить
Непогодушка,
Низко боръ сырой
Наклоняется.

Ходятъ, плаваютъ
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Чернѣй ворона.

Въ зипунѣ мужикъ
Къ дому барскому
Черезъ садъ густой
Тихо крадется:

Онъ идетъ, глядитъ
Во всѣ стороны,
Про себя одинъ
Молча думаетъ:

«Вотъ теперь съ тобой,
Баринъ-батюшка,
Мужикъ-лапотникъ
Посчитается;

Хорошо ты мнѣ.
Вчера вечеромъ
Вплоть до плечъ спустилъ
Кожу бѣдную.

Виновать я былъ,
Самъ ты вѣдаешь:
Тебѣ дочь моя
Приглянулася.

Да отецъ ея—
Несговорчивый,
Не велить онъ ей
Слушать барина...

Знаю, ты у насъ
Самъ большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому.

Такъ суди жъ Господь
Меня грѣшника:
Не видать тебѣ
Мое дѣтище!»

Подошелъ мужикъ
Къ дому барскому,
Тихо выломилъ
Раму старую,

Поднялся, вскочилъ
Въ спальню темную,—
Не вставать теперь
Утромъ барину...

На дворѣ шумить
Непогодушка,
Низко боръ сырой
Наклопается;

Черезъ садъ домой
Мужикъ крадется,
У него лицо
Словно бѣлый снѣгъ.

Онъ дрожить какъ листъ,
Озирается,
А господскій домъ
Загорается.

Щук. тстр.

V.

Ночлегъ извозчиковъ.

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглись, и мѣсяцъ, что лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ:
То взѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь появился
И на гору сталъ подниматься шагкомъ;
Вотъ слышно, какъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ санями,
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики.

Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеимилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови,
И бороды иней пушистый покрылъ.

Подходятъ они ко дворамъ постоялымъ;
Навстрѣчу къ нимъ дворникъ спѣшитъ изъ воротъ,
И шапку снимаетъ, привѣтствуя словомъ:
«Откудова, братцы, Господь васъ несетъ?»

— Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ Рос-
това ¹⁾, —

Передній извозчикъ ему отвѣчалъ, —
А что, на дворѣ-то не тѣсно ль намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ. —

«Для добраго гостя найдется мѣстечко»,
Привѣтливо дворникъ плечистый сказалъ
И, рыжую бороду тихо погладивъ,
Слегка ухмыляясь, опять продолжалъ:

«Вѣдь я не таковъ, какъ сосѣдъ-процалыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться,
Кого какъ привѣтитъ и чѣмъ угощать.

«Овесъ мой—овинный, изба—та же баня,
Не какъ у сосѣда,—зубовъ не сберешь;
И есть гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться,
А квасъ, то-есть брага, и нѣхотя пьешь.

¹⁾ Ростовъ-на-Дону.

«Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно считаться;
Ужъ я по-пріятельски васъ угощу,
И встрѣчу, какъ водится, хлѣбомъ и солью,
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпущу».

Послушались дворника добрые люди:
На дворъ помѣстились, коней отпрягли,
Къ санямъ привязали и корму имъ дали,
И въ теплую избу чрезъ сѣни вошли.

Снявъ шапки, святымъ образамъ помолились,
Очистили иней пушистый съ волосъ,
Раздѣлись, тулупы на нары поклали
И рѣчь завели про суровый морозъ.

Погрѣлись близъ печки и руки помыли,
И, грудь осѣнивши широкимъ крестомъ,
Хозяйкѣ хлѣбъ-соль подавать приказали,
И ужинать сѣли за длиннымъ столомъ.

И вотъ, въ сарафанѣ, покрытая кичкой,
Къ гостямъ молодая хозяйка вошла,
Сказала: «здорово, родные, здорово!»
И каждому порознь поклонъ отдала;

По крашеной ложкѣ имъ всѣмъ разложила,
И соли въ солонкѣ, и хлѣбъ подала,
И въ чашкѣ глубокой, съ надтреснутымъ краемъ,
Изъ кухни горячія щи принесла.

И блюдо за блюдомъ пошла перемѣна...
Извозчики молча и дружно ѣдятъ,
И потъ начинается съ нихъ градомъ катиться,
Глаза оживились и лица горятъ.

«Послушай, хозлюшка!» молвилъ извозчикъ,
Съ трудомъ проглотивши свинины кусокъ:
«Нельзя ли найти намъ кваску-то получше?
Вѣдь этотъ слѣпоу глаза продереть».

— И, что ты, родимый! квасокъ-ать, что брага,
Его и купцамъ доводилоя пить.—
«Спасибо, хозяйка!» сказалъ ей извозчикъ,
«Не скоро намъ брагу твою позабыть».

— Ну, полно-те спорить, вишь съ бабой связался!
Промолвилъ другой, обтирая усы:
Аль къ тещѣ пріѣхалъ съ женою на праздникъ?
Что есть, то и ладно, а нѣтъ—не проси!—

«Вѣстимо, Данилычъ», сказалъ ему третій:
«За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука;
Вѣдь мы не бояре: что есть, тѣмъ и сыты...
А ну-ка, хозляшка, дай-ка гуська!»

— Эхъ, братцы! рукою расправивши кудри,
Товарищамъ молвилъ дѣтина одинъ:
Разъ, ѣздилъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ,
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.

— Ну, что за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужъ попилъ тогда я винца!
Какъ свистнешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца,—

— И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль подымается чернымъ столбомъ,
Звенить колокольчикъ, и версты мелькають,
На небѣ ни тучки и поле кругомъ.

— Въ лицо вѣтерокъ подувасть павстрѣчу,
И на сердцѣ любо, и пышетъ лицо...
Пріѣхалъ въ деревню,—готова закуска,
И дворника дочка подносить вино.

— А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ этакъ порядкомъ уже подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь нараспашку,
Вокругъ себя парней толпу соберетъ,

— Одѣлать деньгами и весело крикнетъ:
«А ну-ка, валяй: не бѣлы-то снѣги!»
И парни затянутъ, и самъ онъ залъется,
И тутъ ужъ его кошелекъ береги.

— Бывало, шепнешь ему: «Яковъ Петровичъ!
Припрячь кошелекъ-то,—вѣдь спросить отецъ».
«Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полѣзу:
Въ товарѣ убытокъ,—и дѣлу конецъ».

Такъ, сидя на лавкѣ за хлѣбомъ и солью,
Смѣясь, мужички продолжаютъ рассказъ;
И, стоя близъ печки, качаясь въ дремотѣ,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ.

И думаетъ самъ онъ съ собою спросонокъ:
«Однако, отъ этихъ барышъ мнѣ придетъ;
Овса-то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть,—такъ одинъ за троихъ уберетъ.

«Куда жъ это, Господи, все уложилось!—
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,
Лапша и свинина, и медъ на заѣдки...
Ну, я же по своему съ ними сочтусь!»